

ПРОЛОГ

Распахнулись глаза — и она испытала дикий страх. Она словно ослепла, перед глазами была густая чернота. Девочка в скрюченной позе лежала на полу, руки были связаны в запястьях. Ныли мышцы и суставы, болела голова, а вкус во рту был такой, словно выпила касторку. Может, это ей снится? Нет, тогда бы не болело... Девочка подтянула под себя ноги, чтобы уменьшить боль, попыталась успокоиться. Но как? Она еще не умела управлять своими чувствами. Ей было всего одиннадцать лет! Надо просто полежать, попытаться уснуть — и все пройдет, всегда будет мама и все остальное, к чему она так привыкла... Но ничего не менялось, и ее охватывал вселенский ужас. Она была в своей курточке, но пуговицы, кажется, оторвались, шапочку потеряла... Девочка потрясла ногами — осенние ботинки, купленные мамой еще весной, были на месте. «Мама! — сверкнуло в голове, — она ведь ждет, уже пришла с работы, наверное, нервничает...»

Девочка решила: надо успокоиться. Она была умна и рассудительна для своих лет, училась на твердые четверки. «Эх, Рита, — сокрушенно взды-

хала классная руководительница Зоя Максимовна, — если бы не твои регулярные приступы лени и эта пагубная привычка лезть не в свои дела, ты бы стала моей любимицей и поступила бы в любой институт Красноярска». Всегда было смешно. Какой институт? Она учится в четвертом классе, у нее впереди еще шесть лет учебы! Боль усилилась, она подползла ближе к стене, но руки задрались еще выше. Эту прерывистую боль пока еще можно было терпеть...

— Помогите, — неуверенно произнесла Рита. — Здесь есть кто-нибудь? — она не узнала свой сдавленный голос.

Прошуршали лапки, кто-то пискнул совсем рядом. Захлестнула волна страха — Рита замычала, стала бить ногой по полу. Холодный пот выступил на лбу. Крыса убежала, затаилась в темноте. Страх не отпускал, слезы бежали по щекам, девочка шмыгала носом, давилась соплями. Происходящее было выше ее понимания об окружающем мире. Папа не жил с мамой, но все равно приходил, играл с дочкой. О Рите заботились, ее баловали, оберегали от дурного воздействия улицы. Она закричала уже громче: «Помогите! Пожалуйста!» Стала извиваться. Но руки привязали к железному крюку, вмурованному в стену, оторвать веревку было невозможно. Кожу жгло — протерла до крови. Рита дрожала, рыдания сотрясали тельце. Никто не отзывался, не приходил на помощь. Крыса

ДЕЛО СИБИРСКОГО ДУШЕГУБА

не возвращалась, попискивала в темноте. Сырость пробирала до костей. Где ее хваленые спокойствие и рассудительность? Насилу успокоилась, вернее, погрузилась в какое-то оцепенение. Глаза привыкли к темноте. В какой-то момент она обнаружила, что темнота не абсолютная. Проступали стены с ободранной штукатуркой, низкий потолок, на котором болталась лампочка. Немного света поступало из крошечного оконца под потолком. Значит, полуподвал, не очень глубоко под землей. Прищурившись, она увидела звезды. Сколько времени она здесь? Звон в ушах стал меньше, она стала различать звуки — теперь не только крысиный писк. Капала вода, разбиваясь о бетонный пол. Где-то вдалеке проехала машина. Девочка заволновалась, снова стала кричать. Но крик застрял в горле, она закашляла. «Не впускай в себя страх, — мысленно твердила Рита. — Не впускай, будет только хуже. Так однажды говорил папа, когда она испугалась бродячей собаки. Псина зашла во двор, глухо зарычала, ее глаза горели. Рита с воплем умчалась, хлопнула дверь. Вечером рассказала отцу. «Не впускай в себя страх, милая, — строго внушал отец. — Пусть будет рядом, но не в тебе, иначе съест. Гони его и думай головой. Это всего лишь собака, она тоже боится. Веди себя естественно, не забывай, что с любой собакой можно справиться».

Что произошло? Шла из школы. Было три часа дня. Уроки закончились в час, но после занятий

было пионерское собрание. Выступала завуч Антонина Савельевна, после завуча — председатель школьной дружины Максим Дубинин. Слушали историю становления детской ленинской организации, выяснили, чем пионеры отличаются от скаутов — детской организации в буржуазных странах... Что еще? Класс приняли в пионеры девятнадцатого мая, в День пионерии, пролетело лето, сейчас осень, конец сентября. Дождь прекратился, остаток дня выдался солнечным, Рита шла в расстегнутой куртке поверх школьной формы, на ее груди алел пионерский галстук. Не привыкла еще к нему, необычно как-то... На повороте стоял Витька Малеев (по прозвищу Бармалеев) со своими дружками. Мимо пойдешь — точно привяжутся. С Витькой в этот день поцапались на математике, сорванец дернул Риту за волосы, а та в отместку подложила ему на сиденье кнопку. Витька сел — а потом так на нее посмотрел: мол, все, портфелем по затылку не отделаешься. Пришлось свернуть в переулочек — Витька с пацанами ее не заметили. Родители наставляли: не ходи по закоулкам. Но Рита пошла. Заборы, кусты, частные дома в низине, и жильцам не видно, кто идет по переулочку. Машина стояла — вроде не легковая, в марках Рита не разбиралась. Задняя дверь была открыта, в машине возился человек в балахоне. Рита не видела его лица. «Девочка, помоги достать эту штуку, — с хрипотцой попросил дядечка. — Подержи вот здесь,

ДЕЛО СИБИРСКОГО ДУШЕГУБА

а я достану». Помогать людям — первая обязанность пионера. Последнее, что запомнила — как к лицу прижали смоченную чем-то едким тряпку...

Страх вернулся: за дверью кто-то ходил! Правильно поняла: это не тот, кто ее спасет. Поскрипывала каменная крошка. Человек что-то перетаскивал, напевая под нос. Мурашки ползли по коже, девочку знобило. Повернулся ключ в замке, дверь со скрипом открылась. Возникло пятно. Горло сжалось, кричать она не могла. Слепил яркий свет. Кто-то подходил, девочка скулила, задыхалась. Казалось, еще немного, и она умрет от страха. Голос прорезался, сначала Рита что-то пискнула, потом завизжала. Никто не препятствовал, незнакомец дождался, пока она захлебнется от визга, присел на корточки. Он с любопытством разглядывал искаженное от страха лицо девочки, получая удовольствие.

— Рита, Риточка, Ритуля... — пропел он хриплым голосом и засмеялся таким смехом, что кровь застыла в жилах. — Все хорошо, милая, потерпи, ладно? А потом мы с тобой поиграем. Я знаю одну забавную игру...

Откуда он знал, как ее зовут? Хотя все понятно, в портфеле были тетради по математике, по русскому языку ученицы 4-го «А» класса общеобразовательной школы... Пальцы коснулись плеча, побегали, сжали. Рита брыкнулась, взвизгнула — получила по макушке, и из глаз посыпались искры.

— Что же ты орешь так, Ритусик? — глухо ворковал незнакомец. — Думаешь, кто-то услышит? Веди себя прилично, ты же хорошая девочка. А знаешь, как мы поступим?

Он ушел, потом вернулся, стал разматывать широкую изоляционную ленту. Мурлыча под нос, обернул несколько раз вокруг головы девочки. Рита дернулась, но получила затрещину и замерла.

— Не вертись. Подождешь немного, хорошо? — изо рта этого зверя разило табаком, чем-то гнилостным. Дышать стало трудно, мешали сопли в носу, голова, казалось, распухла. Рита жалобно замычала. — Ну, потерпи, потерпи, — мужчина издевательски похлопал ее по щеке. — Я бы сразу тобой занялся, но пока не могу.

Он привстал, проверил, как затянут узел на крюке, снова замурлыкал. Хрустнули коленные суставы, когда он поднимался. Шаги стали отдаляться, закрылась дверь, и в замке провернулся ключ. Девочка застыла в оцепенении, потекли длинные минуты. Глухо завелся двигатель, прерывисто заработал. Машина тронулась, и вскоре шум затих.

Рита выдохнула через нос, зашевелилась. Сделала попытку оттянуть языком вонючую изоленду — ничего не вышло. «Думай, думай, — говорила она себе. — Ты уже взрослая. Дома мама волнуется, папа может прийти. А мама однажды сказала, что папа только с виду такой здоровый и сильный. А на деле он больной. Не сбежал бы он к «той

ДЕЛО СИБИРСКОГО ДУШЕГУБА

выдре», мама поставила бы его на ноги, а той это надо? Только и умеет задницей вертеть...» Рита привсталась на колени, обернулась пару раз вокруг себя, чтобы раскрутить веревку. Поднялась на дрожащие ноги. Веревку прочно привязали к крюку, стащить не получилось, только вспотела. Это был тканевый трос с плоским сечением — очень прочный. Не капроновая веревка, которая легко развязывается. Другой конец обматывал запястья. Дотянуться до узла было невозможно, кисти так негнулись. «Думай, думай, — умоляла она. — И перестань бояться, страх не поможет. Что было сегодня? Витька Малеев сидел на передней парте, обернулся, щелкнул тебя по носу, когда ты старательно записывала уравнение. Чуть язык не проглотила. Зоя Максимовна отвернулась, ты взяла учебник математики и треснула Малеева по башке, чтобы знал. Умнее тот не стал, дернул тебя за косичку. Ты стерпела, а потом дождалась, пока он привстанет, и сунула ему под задницу кнопку. Как красиво он подлетел... Пионеры смеялись, возмущалась Зоя Максимовна, Витька затаил обиду, да и шут с ним. Прозвенел звонок, Витька обернулся, сделал «козу» — ты дернулась, смахнула на пол пенал. Высыпались скрепки из коробочки. Витька засмеялся, убежал на перемену. Ты ползала по полу, собирала скрепки, убрала их на место, а коробочку — в пенал. Потом заметила еще одну под партой, нагнулась, сунула в правый карман форменного

школьного платья, чтобы не открывать пенал и коробочку. Потом забыла. Она до сих пор в этом платье...» Ноги дрожали, не слушались, тянуло к полу. Но Рита держалась. Опустить руку в карман она не могла. Длина привязи — сантиметров двадцать. Куртка была расстегнута, не мешалась. Рита нащупала локтем форму в районе бокового кармана, потащила ее наверх. С третьей попытки платье задралось. Она вытягивала, как могла, большой палец левой руки, зацепила внутреннюю часть кармана. Поташила его наверх большим и указательным пальцами — осторожно, не дыша. Прижала карман предплечьем, чтобы не упал, просунула внутрь пальцы левой руки. Нашупала скрепку — сердце заколотилось. Выждала, перевела дыхание. Медленно стала разгибать скрепку, держа ее обеими руками. Отогнула кончик — не такой уж острый, но зазубренный. Выгнула кисть, насколько могла. Кончик канцелярского изделия карябал веревку у левого запястья без всякого, казалось бы, толка! Девочка заплакала — все напрасно. Она успокоилась, усилила нажим и чуть не выронила скрепку. Потом терла скрепкой несколько минут — и вдруг надорвала веревку! Сколько же времени понадобится, чтобы ее перетереть? Час? Два? А если жуткий дядька вскоре придет?

Пальцы онемели, но Рита терла, делала короткие передышки, молила бога, чтобы скрепка не выпала. Тогда все, другого шанса разрезать веревку не будет.

ДЕЛО СИБИРСКОГО ДУШЕГУБА

Это продолжалось минут сорок. Силы иссякли, но скрепка оставалась в руке. Что-то получалось. Дернула — веревка порвалась, руки оказались на свободе! Обрывки веревки повисли на крюке...

Она лежала на полу, не чуя ног, глотая слезы. Не верилось, что она это сделала. Запястья горели огнем. Стала отрывать от головы клейкую ленту, но руки ослабли, плохо слушались. Сдвинула ее на подбородок, вдохнула полной грудью, закашлялась...

В этот момент и появился страшный хозяин подземелья! Неслышно подъехала машина, где-то наверху закрипела дверь. Слезы хлынули потоком, вернулся первобытный страх. Что может сделать маленькая девочка взрослому мужчине? Рита завывала тоскливо, обреченно...

Злоумышленник шатался по подземелью, снова что-то таскал, напевая под нос. Подошел к двери, открыл ее ключом. Вошел внутрь, встал, расставив ноги. Свет от фонаря еще не осветил крюк в стене. Что-то просочилось между ног! Он замешкался, не успел схватить девчонку за шкурку. Рита перекатилась, перебежала на четвереньках. Соседнее помещение было просторнее предыдущего. Тусклый свет поступал непонятно откуда — он почти ничего не освещал! Девочка поднялась, куда-то бросилась, свалила колченогий стул. Сама не устояла на ногах, ударилась плечом о стену. Она металась, как загнанный бельчонок, что-то роняла, получала

шишки. Ее преследовал луч света, но не поспевал за хаотичными метаниями девочки. Злоумышленник сипло смеялся.

— Bravo, Ритуля, не ожидал, да ты у нас просто молодец... Иди скорее ко мне, я тебя обниму...

Сердце сжималось от страха. Рита побежала, не видя дороги, споткнулась, растянулась на холодном полу. Свет, казалось, обжег ее. Несколько мгновений Рита приходила в себя, подняла голову. Незнакомец неспешно приближался, посмеивался. Лучик фонарика высвечивал во мраке ржавые потеки на ободранных стенах, свисающую, словно бахрому, штукатурку. Какие-то измазанные лопаты, разорванный мешок с цементом. Осветилось мертвое детское лицо, рядом еще одно. Две девочки без одежды лежали рядом, их лица были в крови, в глазах застыла нестерпимая боль, а волосы... Волос почему-то не было, но было много крови — она засохла, казалось, девочки надели на головы кровавые шапочки. Рита никогда не задумывалась о смерти — ее холили, лелеяли, оберегали от всего страшного. Но что такое смерть, девочка знала, недавно скончалась бабушка, и страшная тайна человеческой жизни вылезла наружу: люди, оказывается, смертные. Паралич сковал конечности, Рита безотрывно смотрела в мертвые глаза девочек. Эти бедняжки были того же возраста, что и она. Одну из них Рита знала — не близко, но видела, наверное, учились в параллельных классах... Что-то

ДЕЛО СИБИРСКОГО ДУШЕГУБА

сдвинулось в голове, туман накрыл жуткую картину. Именно в этот момент с ней что-то произошло. Опустился занавес, закончился спектакль, остался лишь животный ужас. Она не могла пошевелиться, дрожали руки. За спиной раздался шорох, человек нагнулся, и тяжелое дыхание обожгло затылок. Незнакомец утробно урчал, цепкие пальцы схватили ворот ее куртки. Вернулась чувствительность, Рита завизжала, стала вертеться. Она вырвалась! Злоумышленник, не ожидавший такой реакции, замешкался. Девочка покатила по полу, вереща во весь голос, и вскочила. Луч фонарика заметался, злодей не успевал отслеживать ее перемещения. Он тоже был подвижен, не отставал. Обозначился деревянный косяк, чернота внутри проема. Рита нырнула в него за мгновение до того, как ей перекрыли дорогу. Страшный дядька уже не смеялся, он тяжело дышал и сдавленно матерился. Девочка выбежала в соседнее помещение. Здесь не было абсолютной темноты, источник света находился в смежном отсеке. Это были подвалы заброшенного предприятия или что-то в этом роде. Остатки мебели, доски, оборудование под пыльными чехлами. У девочки словно выросли крылья! Она, как бабочка, полетела на свет. Злоумышленник споткнулся о порог, это и отсрочило неизбежное. Грязно ругаясь, он растянулся на полу, но живо поднялся, бросился в погоню. В соседнем зале горела маломощная лампочка, освещающая какие-то лопасти, обросшие

грязью вентиляционные решетки. Чернел проем. Рита шмыгнула в него, взлетела по ступеням, уперлась в скособоченную стальную дверь. Она запиралась на засов. Открыть дверь не составило труда даже ребенку. Дверные петли были смазаны, засов разработан. Ее уже настигали, когда Рита кубарем выкатилась на улицу! Она помчалась, не веря своему счастью, не видя дороги, с воем покатила по кирпичной крошке. Но поднялась, обернулась. Незнакомец тоже выбежал на улицу, светил фонарем во все стороны. Испустил злорадный рык, обнаружив беглянку. Настала ночь, тучи затянули небо. Ветер налетал порывами, швырял потоки воды, льющейся с неба. Девочка не замечала дождя. Она бежала, перепрыгнула через обломок бетонной плиты. Здесь был задний двор, громоздились плиты, металлический мусор. Чуть не ухнула в открытый колодец, но сумела перемахнуть его. За спиной доносился топот, злодей приближался. Теперь она не оборачивалась, улепетывала, как заяц. Чернел лес, а может, просто лесополоса. Осенние ботиночки вязли в грязи, но страх гнал ее все дальше. Деревья были рядом. Рита задыхалась, боялась обернуться. Влетела в лес, посадила шишку на лоб, ударившись о какой-то толстый сучок. Старые осины перемежались березами, хрустел под ногами увядающий папоротник. Пошли лопухи, нога провалилась в какую-то яму. Прыжок не удался, она упала боком, угодив в перехлесты корней.

ДЕЛО СИБИРСКОГО ДУШЕГУБА

Листья репейника сомкнулись над головой. Риту обуял невысказанный страх, но она поняла, что вставать нельзя, угодит прямо в лапы подбегающему злодею. А тот уже был рядом, отдувался. Он тащил что-то тяжелое, бряцал металл. Даже представлять не хотелось, что это такое... Рита сжалась в комочек, зажмурилась. С закрытыми глазами намного проще перебороть страх...

Трещали сучья, подбежал человек. Он запнулся, глухо выругался, встал. Луч света блуждал по деревьям, по лопухам под ногами.

— Ритуся, детка, куда же ты так спешишь? — прозвучал над головой голос. — Вставай, поднимайся, родная моя, я вижу тебя...

От страха заледенело сердце, ком застрял в горле. Рита съежилась и твердо решила: вставать не буду. Если надо, пусть сам поднимает. Мучительно тянулись секунды. Сердце колотилось, казалось, этот стук разносится по всему лесу. Незнакомец выжидал. Потом сплюнул, двинулся дальше. Чавкала под ногами мокрая земля. Врал он все, не видел он девочку! А ведь мог посмотреть под ноги! Рита лежала ни жива ни мертва. Треск сучьев стал затихать. Но ей не хватило терпения, она выбралась из ямы, побежала куда-то по диагонали. И зря! Злодей расхохотался, бросился наперерез. Его фигура мелькала за деревьями. Виднелся просвет, проехала машина. Рита первой выбежала на опушку! Куртка превратилась в лохмотья, она

постоянно за что-то цеплялась. Проваливались ноги, но Рита выбралась из канавы и оказалась на проезжей части. С обеих сторон возвышался лес, слева виднелись постройки. Там — в нескольких шагах — начинался город! Трасса уносилась вдоль массивов осин. В город двигалась машина. Рита замахала руками, но тщетно, автомобиль уже уехал. Его фары озаряли вдали установленный вдоль дороги плакат с огромными буквами: «Решения XXI съезда КПСС — выполним!» Рита побежала к строениям, хотя до них было не меньше километра. Что-то черное двигалось наперерез, выбиралось из канавы. Злодей не собирался отпускать свою добычу! Ноги подкашивались от усталости, Рита бежала. А может, ей думалось, что бежит, а на самом деле она едва ковыляла... Она припустила обратно, сообразив, что не успеет проскочить. Сзади приближалась машина. Светили фары, водитель отчаянно давил на клаксон. Рита метнулась к обочине, стала отчаянно семафорить, кричать: «Помогите! Помогите!» Машина, не останавливаясь, проехала мимо. Девочка побежала дальше, она выдыхалась, чудилось, что к ее ногам привязаны чугунные гири. Приближался второй автомобиль. Рита замахала руками, кричать на уже не могла. Водитель стал останавливаться — заскрипели тормоза. Это была «Победа» — «ГАЗ-М-20», не новая, с помятым капотом. Девочка бросилась к машине. За спиной прогремел выстрел из охотничьего ружья!

ДЕЛО СИБИРСКОГО ДУШЕГУБА

Следом еще один — для острастки. Заметалось эхо между обочинами. Водитель струхнул, поддал газу. Он объехал детскую фигурку и помчался дальше. За спиной прозвучал дьявольский смех. Внутренности онемели, Рита задыхалась. Она опять осталась наедине с чудовищем. Силы покинули ребенка. Рита ковыляла по дороге, давилась слезами. Дождь продолжал идти, холодные капли проникали за воротник. Отклеилась подошва от демисезонного ботинка, она болталась, мешала передвигаться. Злоумышленник топал по дороге, догонял. А Рита выдохлась, больше не могла сопротивляться. Их разделяли считанные метры. Дождь усилился, предельно ухудшив видимость. Подвернулась нога с порванным ботинком, было очень больно. Рита села посреди дороги, залилась слезами, стала растирать глаза грязными кулачками. Нависла тень чудовища, крепкие пальцы вцепились в ворот...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всю ночь шел дождь, бил по стеклам, заливал дороги и тротуары. На рассвете прекратился. Когда я открыла глаза, выбираясь из странного сна, по карнизу уже ничто не стучало, солнышко пробивалось сквозь штору. Колебался потолок, который давно пора было побелить. Сон был очень странный, невероятные события происходили словно в реальных декорациях. Оставалось лишь гадать, что это было. Я выбиралась из кровати, как из зыбкого песка. Настенные часы показывали половину девятого. Ничего ужасного, сегодня суббота. Я сидела на кровати, стряхивая остатки сна. Рядом что-то заворочалось, отогнулось одеяло, возникло существо мужского пола — заспанное, взерошенное. «Вахромеева, ты падшая женщина», — с тоской подумала я.

— Малеев, что ты делаешь в моей постели? — прохрипела я. В голове витали обрывки недосмотренного сна (а бывают вообще досмотренные сны?), смутные мечтания и какое-то безотчетное беспокойство.

— Вахромеева, перестань, мы с тобой шесть лет женаты... — отозвался мужик и снова спрятался под одеялом.